

Олег Пустовой

**ПУТЬ
ПРИЗЫВНИКА
повесть часть вторая**

Олег Пустовой

Путь призывника. Часть вторая

«ЛитРес: Самиздат»

2004

Пустовой О. М.

Путь призывника. Часть вторая / О. М. Пустовой — «ЛитРес: Самиздат», 2004

На пути следования призывника Игоря Мельниченко из Южно-Сахалинска до Владивостока и во время нахождения в распределительном экипаже Тихоокеанского флота происходят различные жизненные ситуации и приключения, которые призывник старается преодолеть, делая для себя соответствующие выводы.

Содержание

Часть вторая «Путь призывника»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Часть вторая «Путь призывника»

Над крупным промышленным и областным центром Сахалина – городом Южно-Сахалинск, успевшем утомиться от повседневной дневной суеты, быстро наступали вечерние сумерки. Длинные опустевшие улицы незнакомого города внезапно осветились яркой иллюминацией. Сквозь тонкую пелену темнеющих облаков, словно через тёмно-серую вуаль, скупо пробивался матовый силуэт угасающего серпа луны. Над северным полушарием в глубине небесной сферы ярко засияла Полярная звезда, чётко вписываясь в контур появившегося созвездия Малой Медведицы. Призывник Игорь Мельниченко, одиноко шагал в сторону областного призывного пункта, находясь в размышлениях о продуктивно пролетевших последних днях гражданской жизни. Медленным, но уверенным шагом, он стремительно приближался к массивным железным воротам. Это был контрольно-пропускной пункт Сахалинского областного сборного пункта. Для Игоря это был пропускной пункт в иную, ещё неизведанную, таинственную жизнь, начинавшуюся уже сразу за высоким кирпичным забором. Подойдя ближе к воротам, Игорь увидел там узкий проход, упирившийся в металлический турникет метровой высоты, чем-то напоявшему ему сросшуюся фигуру буквы «эф». Слева от турникета светились тусклым светом маленькие неказистые окошечки небольшого помещенья. У открытой двери помещенья стоял солдат в полевой форме с красной повязкой на левой руке, где слабо проявлялась надпись «Пом. деж. по КПП». Возле помещения шебуршились двое в штатском, в одном из которых Игорь узнал Колю Паршина. «О, этого уже захомутали», – внезапно проскользнула в голове прибывшего призывника ехидная мысль. Турникет был на запоре и Мельниченко обратился через проём приоткрытого окошка к толстому неуклюжему прапорщику, сонно сидевшему на деревянном топчане возле исцарапанной тумбочки:

– Товарищ прапорщик, здравия желаю! Разрешите обратиться!?

– Ты смотри, какой шустрый нашёлся!? – удивился невозмутимый прапорщик, поправляя помятое лицо с выпученными мелкими глазами и, глядя на Игоря, коротко рывкнул: – Давай, обращайся! Чё, там у тебя стряслось?!

– Я, товарищ прапорщик, призывник Мельниченко, отставший от невеликой группы. Вот мои документы. Дело в том, что я только прибыл на автобусе, – стал объяснять ситуацию Игорь, изучая обстановку, царившую на КПП.

Прапорщик внимательно изучил документы прибывшего призывника и, особо не напрягаясь, медленно потянул на себя металлический пруттик. Буква «ЭФ» легонько провернулась в сторону сборного пункта. Правильно поняв жест прапорщика, Игорь протиснулся в проход и, подталкивая коленкой турникет, уверенно прошёл за КПП а, пока прапорщик инструктировал своего помощника, он успел пожать руку Паршину и перекинуться с ним парой фраз.

Прапорщик не заставил себя долго ждать и, выйдя из «дежурки», приказал Игорю следовать за ним. Пройдя немного вглубь территории по слабо освещённой дорожке, они оказались на небольшом плацу, где стояло прямоугольное кирпичное здание. Подойдя к зданию, прапорщик тут же вошёл в приоткрытую дверь, увлекая за собой запоздавшего призывника. Сделав несколько шагов прямо по коридору, они вошли в дверь с надписью «Дежурный по части».

– Тащ, майор, вот ещё один из невельских прибыл, – просто и бесцеремонно обратился прапорщик к сидевшему за большим квадратным столом офицеру в полевой форме, туго затянутой кожаной портупеей.

«Как одену портупею, всё тупею и тупею», – тут же вспомнилась Игорю услышанная когда-то поговорка, всплывшая в памяти от увиденной обстановки. Стол дежурного был густо заставлен кипами бумаг, папок и несколькими телефонными аппаратами. Майор сидел, откинувшись на спинку стула, закинув ногу на ногу, и почитывал газету «Красная Звезда». Услышав обращение к своей персоне, он лениво приподнял брови и окинул вошедших пустым беззаботным взглядом. Нехотя оторвавшись от газеты, он кивком головы показал в сторону призывника и приказал прапорщику спокойным флегматичным тенором:

– Панкратов, гусь ты этакий, разберись ка сам, а? Всё оформи по всей форме, ага.

Превратив в шутку и закончив в рифму свой приказ, майор снова увлёкся чтением газеты.

«Так вот, откуда такая бесцеремонность, – подумал удивлённо Мельниченко, – оказывается, майор не совсем дружит с уставной жизнью, вот и ведёт себя прапор с ним по-панибратски». В это время прапорщик поманил Игоря пальцем и скрылся в пустующей комнатке, оставив за собой открытую настежь дверь. Призывник принял знак во внимание и пошёл вслед за прапорщиком. Это была комната отдыха дежурного по части. Она находилась в одном помещении с помещением дежурного, но их разделял тонкий простенок с застеклённой рифлёным бронированным стеклом дверью. В комнате стоял двухстворчатый полированный шкаф, тёмно-коричневого цвета, обыкновенная фанерная тумбочка, выкрашенная в яркий салатный цвет, стул с лощёным фанерным сидением и металлическая панцирная койка, заправленная серым суконным одеялом поверх подушки. Не церемонясь, прапорщик плюхнулся в койку и приказал призывнику вываливать всё содержимое чемоданчика рядом с ним. Мельниченко правильно понял приказание начальника, выполнив его в точности, как и было велено. Взглянув на образовавшуюся кучку добра, прапорщик тихонько присвистнул и с ухмылкой на лице спросил:

– Ты чё, зелень карапузатая, на курорт собрался? Зачем столько барахла прихватил, а?

– Товарищ, прапорщик, ведь на службе всё сгодится, я так думаю, – ответил Мельниченко, подражая артисту Мкртчяну, и с интересом взглянул на Панкратова.

– Он, видите ли, ещё и думает, – Панкратов, ехидно улыбнулся и со знанием дела закончил свою мысль. – Тебе, дорогуша, теперича незачем думать, за тебя государство думает. Повестку-то читал? То-то, понимать надо.

– Так, ведь, для дела всё, – пытался как-то оправдаться Мельниченко.

– Какого такого дела? Отставить разговорчики! В повестке как сказано? А в повестке сказано: «Иметь при себе туалетные принадлежности, комплект белья, кружку и ложку». А ты, зелень карапузатая, чего набрал, а? Короче, боец, вопросы есть? – прапорщик выждал паузу и, не дождавшись ответа, стал властно перебирать скарб призывника.

Всё происходило, словно в кинофильме «Свадьба в Малиновке», когда Попандопуло делил трофейные вещи. Панкратов, как и Попандопуло, запустил руку в кучку чужих вещей и стал делить их на две кучки. В первую очередь он взял два флакона одеколона «Саша». «Это мне» – вспомнился Игорю монолог Попандопуло. Затем прапорщик отобрал большие ножницы, пригодные для подстрижки, и баллончик с лаком для покрытия обуви. «Это снова мне» – продолжал Игорь мысленно стебаться над действиями прапорщика. Тем временем, в отобранной Панкратовым кучке появился складной рыбацкий ножик, наборчик иголок для шитья и пачка технических лезвий «Нева». «Это опять мне» – всё так же продолжал ухмыляться Мельниченко. Вдруг прапорщик открыл оба тюбика зубной пасты «Коллинос», понюхал их, немного выдавил и снова понюхал, затем плотно завинтил пробки и отложил в сторону. Так начала образовываться новая кучка, а Игорь тут же подумал: «Ну, это уже тебе Мельниченко». Прапорщик, тем временем, перебрал комплект белья, растянул вафельное полотенце, перелистал веером пару общих тетрадей: одну чистую, а вторую с черновыми набросками стихов.

– Твои, что ли? – заговорчески подмигнул он Игорю.

– Мои. Так сказать, проба пера. Пока только учусь.

– Ну и ну! Твои поцелуи, да. Я помню твои поцелуи... Ну, ты даёшь? Ты бы написал, что уже забываешь её поцелуи. Вот, чудак-человек.

Панкратов откинул перебранное в кучку с зубной пастой и принялся проверять содержимое коробки с красивой надписью «Электробритва «ХАРЬКОВ-30», где действительно находилась электробритва.

– Не жалко? Вещь-то дорогая. В пути пропасть может, а так мог бы домой отправить. Поражаюсь я тебе, парень, – продолжал удивляться Панкратов, придвигая бритву ближе к тетрадам.

Сгребая одним махом набор из трёх шариковых ручек, брусок банного мыла и зубную щётку, он отправил всё в кучу с тетрадами. Это было последнее, что лежало на кровати. Тогда он пошарил рукой внутри чемоданчика и достал из потайного карманчика красивую записную книжечку с картинкой цветущих красных гладиолусов на обложке. Открыл её. На тыльной стороне обложки была наклеена цветная фотография красивой блондинки.

– Никак, твоя красотка?

– Была моя, когда учился в Одессе, а теперь – кто её знает?

– Ну-ну. Так-то оно так, – не поднимая головы, пробурчал прапорщик.

Он по-быстрому перелистал весь блокнот и, не найдя в нём никакой крамолы, положил его на место и принялся поучать Игоря начальственным тоном:

– Вот, так-то, голуба! – Панкратов убрал кучку с одеколоном на тумбочку и продолжил: – Всё, что на постели – твоё, можешь складывать в чемоданчик. Всё, что на тумбочке – остаётся. Режущие, колющие предметы и жидкости, содержащие спирт, на территории сборного пункта запрещены. Усёк!

– Усёк, товарищ прапорщик!

– Не «усёк»! Надо отвечать: «Так точно, товарищ прапорщик!»

– Так точно, товарищ прапорщик! – чётко по-военному повторил Игорь, быстро реагируя на замечания Панкратова.

– Что «так точно»? – резко переспросил прапорщик.

– Так точно, усёк, товарищ прапорщик! – продолжил валять дурака Игорь.

– Ладно, хрен с тобой, дубина стоеросовая, валяй и так, – возмутился прапорщик и, поднявшись с кровати изрёк: – Теперь иди за мной, покажу тебе ночлежку.

– Так точно, товарищ прапорщик! – по серьёзному ответил Мельниченко, явно подшучивая над прапорщиком.

– Не «так точно», а есть, товарищ прапорщик! – резко возмутился Панкратов, как и ожидал Мельниченко, но ухмыляясь, добавил, глядя недобрый взглядом в сторону призывника. – Скоро всему научат, а то смотри, приходят тут всякие расхлябанные. Видите ли, на курорт оне собрались? Одеколончика-с оне накупили, лачку-с – ботиночки побрызгать. Думаешь, голуба, что служба это тебе что-то не то. Танцульки-бирюльки какие-то. Ошибаешься, милоч! Для начала, голуба, послужи как надо, а на танцульки ещё не скоро попадёшь, понял?

Мельниченко не стал больше злить прапорщика и решил лучше отмолчаться, на что Панкратов уже не реагировал. Проходя помещение дежурного по части, он подошёл к майору и тихо о чём-то справился, на что офицер молча махнул рукой, не отрываясь от газеты, типа – свободен. Прапорщик так и поступил. Он молча махнул Игорю рукой, и тот последовал за ним в тёмное пространство приоткрытой входной двери.

На территории сборного пункта уже хозяйничала тёмная ночь, пришедшая на смену серым сумеркам. Серпастая Луна, чётко видневшаяся в вечерних сумерках, спряталась за, закрывшие небо, дождевые тучи. В воздухе пахло влагой и удушливым дымком тлеющей где-то поблизости, старой ветоши. По всей территории понуро стояли электрические столбы с тускло светящимися фонарями, на свету которых игралась мелкая мошкара. Это говорило о том, что зима кончилась окончательно и весна полностью вступила в свои права.

Впереди находилось небольшое одноэтажное здание. Из трёх больших окон со стороны фасада, пробивался тусклый свет ночника синего цвета. По словам прапорщика – это была «ночлежка». Войдя вовнутрь помещения, прапорщик резко споткнулся о протянутые ноги прикорнувшего дневального и с шумом пронёсся в сторону спящих призывников, ловко цепляясь за торец верхнего яруса деревянных нар. Только благодаря их близкому расположению он остался стоять на ногах. В это время проснулся дневальный, резко подпрыгнувший от шума, упавшей рядом с ним, тумбочки. Перепугавшись, дневальный стал было поднимать упавшую тумбочку, но подоспевший к нему прапорщик врезал такого подзатыльника, что дневальный снова резко присел на пол, крепко ухватившись за голову. Поднялся он только тогда, когда прапорщик отошёл от него на безопасное расстояние.

Ночлежка представляла собой одну цельную просторную комнату с высокими потолками, раскинувшись метров десять в длину и метров восемь в ширину. Со стороны глухой стенки помещение было занято сплошными деревянными нарами, поднятыми в два яруса, где без матрацев и постельного белья, спали, прижавшись, друг к другу, словно огурцы в банке, одетые, во что попало призывники. Намаявшись за весь день, они, то похрапывали, то посапывали, то и дело, ворочаясь с боку на бок, от непривычно жёстких постелей. Прапорщик прошёлся вдоль нар и, найдя свободное место, велел Игорю располагаться. Мельниченко быстро снял полусапожки, задвинув их пинком ноги под нижний ярус нар, затем взобрался на свободное место первого яруса, подложил под голову облегчённый чемоданчик и сразу же уснул. Сон был крепок и без сновидений. Вдруг, среди ночи, его потревожил раздражающий шум от шаркающей об пол обуви вновь прибывшего пополнения с отдалённого уголка Сахалина. Он глянул на свои часы, на которые сам честно заработал деньги в родном колхозе, ещё в четырнадцать лет. Бледно бирюзовые стрелки чётко отсвечивали в тени ночника второй час ночи.

Прибывших призывников стали размещать на оставшиеся свободные места, которых явно не хватало. Дежурному офицеру пришлось ходить вдоль нар и будить спящих парней, чтобы те уплотнились, давая возможность новеньким найти свой ночной приют. Призывники настолько уплотнились, что спать на спине, уже стало совсем невозможно. Более-менее удобной позой, оставалась поза на боку и то, до тех пор, пока такое состояние можно было терпеть. Когда всё стихло, Игорь уснул, но спустя минут тридцать, снова пришлось проснуться. На сей раз нарушителем его покоя стал дежурный по части, прибывший в ночлежку с двумя потерявшимися призывниками. Он остановился у нар, совсем рядышком с Игорем, и начал присматривать место для новичков. Сквозь сон, Игорь слышал какие-то непонятные слова, хотя и так было ясно: майор снова требовал уплотниться. Мельниченко нехотя приподнялся на правый локоть и, спростонья, возмущённо пробормотал себе под нос:

– Ну, куда же ещё уплотняться? И так уже все бока отдавлены. И эти мимолётные, ничего не обязывающие слова, сказанные без всякого злого умысла, стали первой ошибкой для неотёсанного призывника, в самом начале срока его воинской повинности, преподнося первый и последний урок в целесообразности болтать лишнее. Ладно бы юнцы, которые вообще ничего не смыслят в подобных делах, но Мельниченко ведь прошёл четыре года муштры в закрытом полувоенном учебном заведении и так оконфузиться. Услышав странную речь, дежурный сразу подошёл к Игорю и приказал встать, дёргая его за левую штанину.

– Ну-кась, боец, подъём! – рявкнул он ему под самое ухо, дожидаясь, когда Мельниченко спрыгнет на пол. – Говоришь, бока отлежал? Ничего, мы это быстро исправим.

– Да я что, просто к слову пришлось, – оправдывался Игорь, аккуратно сползая на пол.

– Быстренько обувайся, и пойдём со мной! – никак не унимался майор, как и прежде поторапливая призывника. – Надать, умник отыскался!

Нащупав в темноте свои полусапожки, Мельниченко обулся и последовал за майором в прохладу весенней ночи. Немного пропетляв среди немногих пустынно-спящих зданий, они вышли к небольшому пустырю. В нос резко ворвался тяжёлый спёртый запах, отдалённо напомнивший запах тухлых яиц. Прямо по носу нерадивого призывника находилось светлое прямоугольное здание, очень незначительного размера. Оно было вытянутое вдоль кирпичного забора, возле которого бледно мигал на одинокой железобетонной опоре люминесцентный светильник. Майор остановился у входа в узенький проём здания, к которому с одной стороны примыкало несколько отдельных кабинок, точно рассчитанных на одного индивидуума.

– Алё, боец! – резко окликнул он Игоря, продолжая короткий инструктаж. – Видишь, в углу стоит смётка и совок? А мы находимся, как ты уже понял, в общественном сортире, в котором надо навести идеальный порядок. С обратной стороны сортира, стоят мусорные контейнеры. Так, вот: бумажки и окурки – туда, а остальное – веничком и водичкой, понял?!

– Так точно, товарищ майор! – серьёзно, по всей форме ответил Игорь и сразу начал привыкать к незатейливому инструменту в виде веника.

– Когда всё закончишь, положишь прапорщику на КПП. Я думаю, это будет для тебя хорошей разминкой, – никак не унимался майор, поражённый дерзостью призывника. – А то, парадокс какой-то получается. Бока, видите ли, он отлежал. Если нет вопросов, тогда полный вперёд, выполняй приказание!

– Есть, товарищ майор!

– Что? Вопросы есть!?! – совсем возмущился майор.

– Никак нет! Есть выполнять приказание! – чётко отчеканил Мельниченко заученные ещё в мореходке военные фразы, не раз встречающиеся в книгах да, режущие слух, из экранов телевизоров и кинотеатров. Игорю такие выражения даже, как-то по-своему нравились, они как-то особенно дисциплинировали. Он сразу заметил отражение поощрительного блеска в глазах, довольного собой майора, явно с другого ракурса смотревшего на своего подопечного. Убедившись, что призывник принялся за работу, дежурный оставил его в одиночестве и

удалился в сторону КПП, медленно растворяясь в темноте ночи, а призывник Мельниченко с замусоленным веником в руках, вместо беспокойного сна, остался одиноко убирать совсем не престижное для данного мероприятия место. «Ну и влип, – подумал в замешательстве Игорь. – Надо же было взболтнуть такую глупость? И кто меня за язык дёрнул? Теперь пару часов придётся здесь околачиваться. Оказывается, служба для некоторых отдельных индивидуумов, начинается с засоренного гальяона. Да, хорошее начало – ничего не скажешь». На таком лирическом отступлении, его мысли прервались, и призывник начал производить приборку вверенного ему объекта, непременно стараясь как можно быстрее закончить это грязное дело. Усердно работая веником, он пытался отвлечься от всего мирского. От всего того, что осталось по другую сторону высокого забора. Но это было не так-то просто. Ему не надо было сильно напрягать память, чтобы вспомнить ту прекрасную ночь, подаренную накануне призыва прелестной невельчанкой Любашей. «А, как же Лариса? В Одессе сейчас вечер. Не без того, что пошла на танцы. Танцует, небось, с каким-то курсантиком или студентиком, развлекается. Уже восемь месяцев, как мы расстались. А, есть ли, вообще, на самом деле, эта любовь? Может у нас была просто влюблённость?» – Так мысленно рассуждал Мельниченко, увлечённый ночной внеурочной приборкой. Он продолжал рассуждать, а сам уже сомневался в своих чувствах к Ларисе. Настоящие ли они? Ведь, за время разлуки он и сам имел мимолётные, ничего не обязывающие встречи, с женщинами. С Ларисой было, конечно, совсем другое дело. С ней они встречались, почти целый год. За это время успели узнать друг друга и полюбить. Они даже считали себя: «без пяти минут» мужем и женой. Ведь они тогда на что-то надеялись. Что же теперь? Как и что будет дальше? Настолько ли сильна любовь, чтобы Лариса ждала его такое долгое время? Сколько успело накопиться вопросов – и нет на них прямых и правильных ответов. Точные ответы на вопросы, тревожившие юную голову призывника, сможет дать только само время. Только время сможет всё исправить, направить, подправить и определить в этой, бегущей в неизведанную даль, жизни. Теперь он до боли в сердце презирал себя, за такое коварное предательство по отношению к Ларисе. Он искренне верил в её верность и серьёзно переживал за свой тяжкий непредсказуемый грех, так внезапно взвалившийся свинцовым бременем на его юную, запутавшуюся в житейских передрыгах, душу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.